

В. И. Немирович-Данченко

Страна холода

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. И. Немирович-Данченко**
Страна холода / В. И. Немирович-Данченко – М.: Книга по Требованию, 2023. – 550 с.

ISBN 978-5-4241-9687-4

ISBN 978-5-4241-9687-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БѢЛОЕ МОРЕ.

СТРАНА ЖЕЛОДА.

ОТПЛЫТІЕ ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА.

Вѣкое море.—Плаваніе въ туманѣ. - Крушенія судовъ.—Какъ вымираютъ люди на сѣверныхъ островахъ.

Мурманъ и русская Лапландія давно манили меня въ малоислѣдованную глушь своихъ пустынь, въ тѣ горныя и прибрежныя захолустья, гдѣ сѣверная природа поражаетъ туриста своимъ мрачнымъ величіемъ. Я еще прежде ознакомился съ этимъ краемъ, по рассказамъ промышленниковъ-поморовъ, и передо мною, словно въ-явь, часто рисовались каменные валы кольскихъ береговъ, оглашаемыхъ только ропотомъ вспѣнныхъ валовъ, рѣзкимъ крикомъ чаекъ и рыданьями гагаръ. Не меньше интересовали меня первыя поселенія, испещряющія теперь карту западной части Мурмана, та колонизація этой далекой стороны, о которой очень много говорилось и писалось въ послѣднее время. Хотѣлось на мѣстѣ видѣть жизнь смѣлаго и предприимчиваго помора-рыболова въ его лѣтнемъ становѣ, отважнаго колониста, русскаго, финна или норвежца—все равно, въ его плохъ на первый случай сколоченномъ домѣ или въ черной землянкѣ. А тамъ дальше—раскрывалась заманчивая даль, свѣжая горная и лѣсная глушь, никому неизвѣстная точно, никѣмъ не занесенная на карты, гдѣ неутомимо борется съ нищетою и кулачествомъ честный и мирный труженикъ сѣвера—лопарь. Великолѣпныя озера Лапландіи, ея порожистыя рѣки, величавыя панорамы каменныхъ вершинъ, водопады, погосты инородцевъ съ ихъ своеобразнымъ бытомъ—обѣщали много новыхъ впечатлѣній, манили въ ихъ таинственную даль. Я подготовлялся къ поѣздкѣ, изучая все извѣстное о дальней полярной окраинѣ Кольскаго полуострова, когда въ іюлѣ 1873 года мнѣ представился случай осуществить свои планы, отправившись до норвежскихъ городовъ Варде-хузе и Вадс-э на пароходѣ срочнаго Бѣломорско-мурманскаго товарищества «Качаловъ», а оттуда уже на лодкахъ по становящимъ Мурману и

пѣшкомъ—внутри Лапландіи. При этомъ мнѣ пришлось ознакомиться съ безурядицей названнаго пароходства. Выданный мнѣ билетъ на пароходъ «Качаловъ» нужно было предъявить управляющему товариществомъ. Судя по газетнымъ объявленіямъ, я думалъ, что контора его помѣщается не далеко. Бѣду туда—оказывается, что она давно уже переведена въ другое помѣщеніе, на противоположномъ концѣ города. Разумѣется, объ этомъ никому объявлено не было. Отправляюсь по адресу—новый сюрпризъ: контора перемѣнила квартиру. Нужно ѣхать опять назадъ. Приѣзжаю, въ полной увѣренности, что здѣсь конецъ всѣмъ моимъ мытарствамъ, но, увы! за два только дня управляющій перебрался въ Соломбалу—опять на другомъ краю Архангельска. Тамъ тоже меня посылали отъ дома къ дому, изъ одной улицы въ другую и, наконецъ, уже подъ вечеръ, я нашелъ обѣтованную землю послѣ десятичасоваго скитальчества подъ дождемъ, промочившимъ меня до костей. Начало, какъ видите, обѣщало мало хорошаго.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 20 іюля. Рано утромъ я собрался и отправился на пароходную пристань, торопясь, чтобъ не опоздать. Приѣзжаю—пары не разведены, въ конторѣ ни души, какой-то сонный паренъ чиститъ палубу, да у самыхъ кожуховъ, растянувшись, спитъ матросъ, аппетитно похрапывая; у закрытыхъ дверей каюты перваго класса груда мусора.

— Что это значитъ? Вѣдь, черезъ два часа пароходъ отходить?

— А вамъ чего? лѣнливо спрашиваетъ меня паренъ въ кожаномъ передникѣ.

— На пароходъ.

— На пра-ходъ!.. Такъ-съ... только, чтожь вамъ дѣлать у насъ ноне?

— Какъ что дѣлать? я ѣду на Мурманъ.

— Такъ пожалуйста двадцать четвертаго.

— Да вы надо мной смѣетесь? Вотъ объявленіе.

— Что жъ, что объявленіе! Безъ матросовъ никуда не уйдешь. А у насъ ни одного матроса нѣтъ. Всѣхъ управляющій новый прогналъ. Потому народъ, при прежнемъ-то набалованный, работать лѣнится; ну онъ ихъ и прошарилъ. Таперича отъ вышняго начальства дозволенія ждетъ—взять пока военныхъ матросовъ съ парохода «Самоѣдъ». Много сегодня приѣзжало пассажировъ!.. Иные-прочіе ругались даже.

Пришлось опять тащиться назадъ, проклиная товарищество и его оригинальные, ни на что не похожіе порядки.

Наконецъ, 24 іюля, еще издали я увидѣлъ сѣроватую полосу дыма, клубившагося изъ трубы парохода. Толпы народа на пристани, гулъ и говоръ охватили меня тою бодрящею суетой отъѣзда, которая приходится по душѣ истинному цыгану-туристу. День былъ жаркій и

ясный. Обыкновенно сонная гавань Архангельска поражала необычайнымъ оживленіемъ. Рядомъ съ пароходомъ строилась громадная парусная шкуна; оттуда доносились стукъ молотковъ и смѣлые мотивы поморскихъ пѣсенъ. Вдали чернѣлъ цѣлый лѣсъ мачтъ. Всевозможныя суда, начиная отъ неуклюжаго ливерпульскаго „угольщика“ и кончая колоссальными англійскими пароходами, тутъ же грузившимися съ барокъ, загромождали зеркальную поверхность Сѣверной Двины. Въ толпѣ, окружавшей пароходъ „Качаловъ“, слонялись иностранные матросы и порою изъ общаго гула выхватывались звонкій крикливый фальцетъ итальянца и хриплая солидная ругань подгулявшаго британскаго шкипера. Тутъ молчаливо смотрѣли на приготовленія наши къ отъѣзду норвежцы, а тамъ, въ веселой толпѣ гамбургскихъ судоробочихъ, мелко, подмывающею дробью раскатывался брюшной, самодвольный хохотъ шкипера, мѣдно-красное лицо котораго, опаленное лучами солнца подъ всѣми широтами, сіяло на этотъ разъ особенно торжественно. Да и немудрено. Подъ руку съ морскимъ волкомъ вертѣлась какая-то поношенная дѣвица, объяснявшаяся съ мудрыми нѣмцами на варварскомъ, необыкновенномъ нарѣчїи, нелишешномъ, впрочемъ, энергіи и апломба, благодаря обильно уснащавшимъ его пряностямъ. Изъ группы русскихъ сыпались трехэтажныя слова и только военные матросы, временно взятые на пароходъ „Качаловъ“, исполняли свое дѣло съ тою молчаливою сдержанностью, которая вездѣ и всегда характеризуетъ нашихъ моряковъ на службѣ.

Но лучше всего были окружавшія насъ граціозныя, кокетливыя шкуны, каждою своею снастью, каждымъ оттѣнкомъ отражавшіяся въ водѣ. На нѣкоторыхъ не оказывалось ни души. На другихъ, только что приплывшихъ, неподвижно, словно каменные, стояли таможенные досмотрщики, да шаловливо суетились юнги. На одномъ изъ ближайшихъ судовъ показалась было включенная черная голова, кока *) изъ негровъ, тотчасъ же обратившая на себя вниманіе прекраснаго пола, столпившагося на пристани. Разумѣется, посыпались интересныя замѣчанія, обнаруживавшія глубокое знаніе этнографіи и антропологіи. Ближе всего къ «Качалову» стоялъ «Самоѣдъ», военный корветъ превосходной конструкціи, почему-то убранный едва шевелившимися флагами, на мачтахъ и снастяхъ.

Полюбовавшись на яркую и суетливую панораму гавани, я обратился къ пароходу. «Качаловъ» вышелъ изъ фабрики Митчеля и Комп., считающейся одною изъ лучшихъ, хотя и самою дорогою въ мірѣ.

*) Кока — на судахъ и на пароходахъ — поварь. Названіе это принято и на нашихъ морскихъ судахъ.

Дѣйствительно, пароходъ былъ сдѣланъ очень изящно и въ другихъ водахъ оказывался бы превосходнымъ паровымъ судномъ. Тѣмъ не пріятнѣе было видѣть на немъ всю мерзость запустѣнія, оставленную прежнимъ управленіемъ въ наслѣдство новому. Котлы были видимо неисправны. Винты свободно ходили и двигались, клапаны расшатались, вода сочилась, откуда ей вовсе не слѣдовало сочиться, два компаса показывали сѣверъ въ противоположныхъ направленіяхъ.

— Котлы-то несовсѣмъ надежны, обратился я къ одному изъ пайщиковъ товарищества, бывшему тутъ же.

Онъ добродушно засмѣялся мнѣ въ отвѣтъ и снисходительно потрепалъ меня по плечу, точно я сказалъ какую-нибудь наивную глупость.

— Никто, какъ Богъ! Забыли развѣ, что безъ воли Его ни единого волоса... Всѣ подъ Нимъ ходимъ. Охъ! То-то оно, о механикѣ думаемъ, а про Господа Вседержителя забываемъ. А вы на Него, на Отца небеснаго, уповайте... Противъ всякой вторы *) — Его покровъ и защита... Уповайте!..

— Большой пароходъ упованіе-то ваше не спасло.

Лицо патріарха разомъ приняло серьезное выраженіе.

— А я что же говорилъ? Будьте такъ добры, позвольте узнать, что же я-то говорилъ? На «Алексіи» шкиперомъ-то кто былъ? Иновѣрецъ! Онъ и икону-то, нашу матушку казанскую, изъ своей каюты приказалъ вынести... Она и не стерпѣла. Нѣтъ, ты думалъ это такъ? Это, братъ, премудрость. Тутъ подумать надо! завертѣлъ онъ около лба перстами.—Ты на механику свою надѣешься, паромъ пуцаешь... паромъ!.. И онъ началъ уже подозрительно поглядывать на меня, точно я проповѣдывалъ ему какую-нибудь разрушительную теорію. — Нн—ѣтъ... ты паромъ-то погоди пуцать. Паромъ всего не обнимешь. Я десять годовъ на шкункѣ хожу и шкунка-то, что собачонка соломбальская, плюнуть только, да! Паромъ-то она не попыхиваетъ, а все божьимъ произволеніемъ держится. Какія погоды бывали — страсть!.. А ты, паромъ, думалъ! Нѣтъ, ты скажи, передъ дорогой-то молебны служилъ, аль нѣтъ?.. Вашего брата, Ирода, въ воду бы... бормоталъ онъ, уже отходя отъ меня. Котлы! Нѣтъ, у тебя крестъ-то на шеѣ виситъ ли?..

Потерпѣвъ фіаско, я уже не сталъ никому сообщать своихъ опасеній. Впрочемъ, пассажировъ отчасти успокоило и то, что на этотъ разъ, вмѣсто капитана, шелъ управляющій пароходствомъ, А. І. Мильбахъ, которому сѣверныя воды извѣстны, какъ свои пять пальцевъ.

*) Втора — бѣди; извѣстное поморское слово.

— А онъ паромъ думаль! раздавался издали негодующій голосъ въ толпѣ поморевъ. — Противъ Бога паромъ пуцать вознамѣрился. Какъ и не пропасть съ такимъ народомъ!

— Народъ ноне, я тебѣ скажу, самый искаріотскій! слышался сочувственный отвѣтъ.

— Нѣтъ, ты подумай: противъ Господа, творца небеснаго — паромъ поыхиваетъ.

Толпа у пристани все сгущалась; на пароходъ, одни за другими, являлись запоздавшіе пассажиры. Ихъ, впрочемъ, собралось немного: онежскій купецъ и судовладѣлецъ, ѣхавшій въ Норвегію; поморъ изъ Колы, отправлявшійся въ Еретики, въ свою факторію; какой-то допотопный чиновникъ, надоѣдавшій намъ невообразимыми анекдотами самага клубничнаго свойства. Его куцая и круглая супруга то страдала морскою болѣзною, то грызлась съ мужемъ. Тутъ же выступала длинная фигура — норвежець, занимавшійся нѣкогда акульнымъ промысломъ въ Тирибергѣ, близъ острова Кильдина; морякъ Шабунинъ изъ Колы, тридцать лѣтъ ходившій по Ледовитому Океану, да какая-то сантиментальная дѣвица изъ Архангельска, ѣхавшая на Сосновець навѣстить своего отца, смотрителя тамошняго маяка. Впрочемъ, въ качествѣ единственной представительницы прекраснаго пола у насъ на пароходѣ (чиновницу нельзя же было зачислить въ прекрасный полъ), она пользовалась особеннымъ вниманіемъ всѣхъ пассажировъ.

Наконецъ, пароходъ дрогнулъ—и насъ подбросило. Оказалось, что подъ каютою перваго класса находится винтъ. Это былъ несноснѣйшій сосѣдь, надоѣдавшій намъ хуже пряныхъ анекдотовъ чиновника. Онъ постоянно грохоталъ внизу и, расшатавшись, не вертѣлся, а билъ въ бока своей полости, что, разумѣется, неприятно отзывалось на насъ. Въ высшей степени вѣрно было сдѣланное однимъ знакомымъ сравненіе парохода съ разбитою дурнымъ ѣздокомъ лошадыю, на которой послѣ него тяжело ѣхать и завязтому спортсмену. Когда мы вышли на палубу, разстояніе между нами и пристанью все росло, а цестрая толпа на берегу, уменьшаясь и уменьшаясь, слилась, наконецъ, въ одну яркую полосу; эта полоса суживалась и суживалась, пока не обратилась въ линію. Наконецъ, и линія пропала. Зато направо и налево стояли иностранныя суда, щеголеватые бриги и пароходы, а передъ нами раскидывалась изящная панорама растянутагося вдоль берега Двины Архангельска съ окрестными селеніями, бѣлыя церкви которыхъ точно висѣли въ синемъ воздухѣ, сверкая своими куполами.

— Кажется, погода сулитъ намъ покойную дорогу? обратился я къ онежскому комерсанту.

— Тьфу! тьфу. . . Что это вы, батюшка? Скорѣе плюньте въ море.

-- Зачѣмъ? удивился я.

— Какъ зачѣмъ? Оно этого не любитъ. Сейчасъ штормъ, и пойдеть трепать. Я его знаю. О немъ никогда ничего не говорите. Оно все слышитъ. Вы думаете, въ немъ разума нѣтъ... Оттого мы вашего брата, пассажировъ, на свои поморскія суда и не беремъ. У васъ сейчасъ и пойдуть: ахъ погода! ахъ море! ахъ воздухъ!.. Ну сейчасъ тучи, вѣтеръ, и почнетъ трепать. Самое неподходящее дѣло море хвалить.

Наконецъ, и Архангельскъ пропалъ, заслоненный извилинами пустынныхъ береговъ, то зеленѣвшихъ мелкимъ лѣскомъ, изъ котораго порой высоко выбѣгали стройныя стрѣлки елей, то ложившихся пустырями, покрытыми блеклою и рѣдкою травой. Скоро пароходъ прошелъ мимо сплошь застроеннаго лѣсопильными заводами острова Маймаксы. Тутъ неподвижно чернѣли въ голубомъ зеркалѣ воды нѣсколько судовъ и пароходовъ, явившихся за досками. Длинные ряды плотовъ тянулись къ берегу, на которомъ ключомъ кипѣла суетливая, трудовая жизнь, двигались толпы народа, гремѣли паровыя машины, виднѣлись десятки лошадей, перетаскивавшихъ бревна къ амбарамъ.

Мы шли теперь рукавами рѣки Двины, которая при устьѣ распадается на множество перепутанныхъ между собой вѣтвей. Главными изъ нихъ считаются мурманское, березовское, маймакское и никольское теченія. Весь сѣверодвинскій лиманъ устьянъ островами, то лѣсистыми и слегка возвышенными, то низменными, заливаемыми въ водополье. Между ними есть и большіе; на нѣкоторыхъ расположено по нѣсколько селеній, хорошо отстроенныхъ, людныхъ и состоятельныхъ въ экономическомъ отношеніи. На одномъ изъ нихъ бѣлѣютъ бастіоны новодвинской крѣпости, нынѣ совершенно упраздненной. Отъ Архангельска до бара пароходъ шелъ около шести часовъ. Двина все раздвигалась и раздвигалась; скоро лѣвый или лѣтній берегъ пропалъ изъ виду, а правый—зимній (Мезенскій) чуть-чуть мерещился надъ моремъ. Тѣмъ неменѣе, еще можно было разобрать на немъ зеленую щетинку лѣса вверху и едва замѣтную желтую полоску внизу. Мимо насъ проходили корабли и поморскія шхуны. Отъ нечего дѣлать мы слѣдили за ихъ приближеніемъ: показывалась точка, выроставшая въ прямую черточку, черточка удлинялась; вырисовывались бѣлые паруса; затѣмъ отгѣнялся грузный корпусъ судна. Ближе и ближе. Вотъ опредѣлились снасти; вотъ на палубѣ забѣгали матросы. Толстый «каптинъ» машеть намъ шалкой; мы ему тоже, экипажъ что-то кричитъ—намъ не слышно. Мимо! И опять встрѣченное судно становилось все меньше и меньше, пока черная точка его не пропадала въ противоположной сторонѣ горизонта. И снова свинцовыя волны ходятъ по всему простору, ритмически ударяя о стѣны парохода. У бара «Качаловъ» взялъ немного направо, и передъ нами скоро поднялись створныя

маяки Мудьюги — большаго и богатаго селенія, производящаго самостоятельную торговлю съ Норвегіей. Нѣсколько иностранныхъ судовъ стояло тутъ на якорѣ, и пропасть шхунъ и лодей поморской работы чернѣло въ покойныхъ водахъ небольшой салмы. Многие архангельскіе купцы еще недавно были крестьянами этого села. Самая Мудьюга расположена на островѣ того же имени, на матеромъ берегу. Проливъ между ними называется Сухимъ моремъ, потому что во время отлива онъ обсыхаетъ весь и съ острова можно пройти на материкъ чрезъ морское дно. Стоящія въ проливѣ суда, лоды и шхуны накрениваются на бокъ и лежатъ такъ, пока ихъ не подыметъ вновь прибывающимъ приливомъ. Салма Сухаго моря между сѣвѣрною оконечностью Мудьюги и матерымъ берегомъ, образующимъ здѣсь длинную Куйскую Косу, называется Желѣзными Воротами. Самъ островъ Мудьюга узокъ и низменъ и, не будъ здѣсь большаго маяка, онъ не пользовался бы никакимъ значеніемъ. Фарватеръ въ этихъ переходахъ опасенъ и извилистъ. Направленіе его указываютъ два параллельные ряда буевъ, которые въ осеннія ночи и вообще въ сумерки вовсе незамѣтны, почему въ это время не рѣдкость встрѣтить корабль, бросившій якорь, „заночевавшій“ на фарватерѣ. При небрежности судовладельцевъ и невнимательности рулевыхъ и вахты, часто случаются при этомъ столкновенія. Положившійся на произволеніе Господне, корабль идетъ себѣ, идетъ не видя буевъ, и, къ крайнему удивленію своего благочестиваго экипажа, въѣзжаетъ прямо въ корпусъ судна, стоящаго впереди на якорѣ. Къ Мудьюгѣ приходятъ изъ Норвегіи и отсюда отходятъ въ города Вардо, Вадзе, Тромзо, Берлевогъ и Гаммерфестъ, Порсангеръ-фьордъ, островъ Магерозъ и др., до ста судовъ всякаго рода, начиная отъ хорошей шхуны и кончая допотопною, по образу и подобию Ноева ковчега сооружаемою лодьей. Невдалекѣ отъ села виднѣется богатое мѣстечко Куя, передъ которымъ стояло на якорѣ нѣсколько судовъ мѣстныхъ капиталистовъ.

Здѣсь почти вовсе не производится рыболовства, зато ежегодно стрѣляютъ и ловятъ въ сѣти морскаго звѣря для добыванія изъ него сала, скупаемаго архангельскими отпускными домами. Въ Бѣломъ морѣ, у его восточныхъ береговъ, ловится нерпа, морской заяцъ, лысунъ, бѣлуха. Нерпу и морскаго зайца стрѣляютъ, бѣлуху ловятъ въ невода особеннаго устройства. Главный же мѣстный промыселъ — добываніе лысуновъ. Вотъ какъ, между прочимъ, описываетъ г. Данилевскій привычки этого животнаго: лысуны начинаютъ жирѣть съ Ильина дня. Съ октября они идутъ въ заливы Сѣвернаго океана и, главнымъ образомъ, въ Бѣлое море. До тѣхъ поръ они проводятъ время въ сѣверныхъ широтахъ полярныхъ морей. Цѣль зимнихъ переселеній лысуна — скрещиваться, рожать дѣтей и кормить ихъ грудью.

Архангельскіе промышленники рассказываютъ, что *кожа*, т. е. стаи лысуновъ, гребетъ безчисленными стадами все въ одномъ и томъ же направленіи, изъ окрестностей Новой Земли въ Бѣлое море, мимо Тиманскаго берега. Къ февралю они собираются въ Двинской заливъ, гдѣ около Срѣтенья начинаютъ рожать на льдинахъ. Выводокъ сначала въ воду не ходитъ, потому что на немъ шерсть еще мягка и пушиста. Матери плаваютъ недалеко отъ дѣтей и дѣлаютъ во льду продушины, чрезъ которыя могутъ выходить на тороса *). Въ первую недѣлю своей жизни лысуны-дѣти именуются зеленцами. Скоро желтый оттѣнокъ ихъ шерсти пропадаетъ и по чисто-бѣлому цвѣту ихъ называютъ бѣлками. Шкуры зеленцовъ и бѣлковъ дѣнятся до 3 руб. (по г. Данилевскому отъ 1 р. до 2 р.), но жира въ нихъ еще мало. Недѣли черезъ три или черезъ мѣсяць, они начинаютъ линять, кожа становится хуже, шерсть слабо держится и дѣлается клочковатой. Это — хохлуша. Ихъ уже бьютъ для жиру. Къ этому времени ихъ кожа съ саломъ вѣситъ отъ 1 до 1½ пуда. Между тѣмъ, льдины, вслѣдствіе господствующихъ теченій, мало-по-малу отрываются отъ береговъ и относятся къ сѣверу, впрочемъ, весьма медленно; при каждомъ отлигѣ подвижной ледъ отходитъ отъ постоянныхъ береговыхъ припаевъ и относится въ море. Съ каждымъ приливомъ его снова приносятъ къ берегу, но уже не къ первоначальному мѣсту, а нѣсколько сѣвернѣе. Въ это время промышленники восточнаго берега Бѣлаго моря сходятся въ становищѣ Кеды, при выходѣ изъ бѣломорскаго горла, у мыса Воронова (находящагося въ 66-ти верстахъ отъ противоположнаго морскаго берега — Терскаго, на Кольскомъ полуостровѣ, если считать это разстояніе до рѣки Сосновки и становища Сосновскаго). Тутъ уже „кожу“ отливомъ относятъ съ Зимняго берега къ Терскому и опять обратно къ острову Моржовцу, находящемуся у входа въ Мезенскій заливъ. Потомъ, лысуны направляются вмѣстѣ съ льдами прямо къ сѣверу, вдоль Канинскаго берега. Дѣтеныши оказываются настолько взрослыми, что могутъ сами ходить въ воду. Они называются сѣрками, такъ какъ шерсть ихъ вылиняла, а вмѣсто нея выросли гладкіе, плотно къ кожѣ прилегающіе волосы сѣраго цвѣта. Сѣрки возвращаются въ Бѣлое море, уже достигнувъ половой зрѣлости. Къ сентябрю они становятся, по мѣстному названію, сѣрцами, а черезъ годъ считаются совершенно взрослыми и обращаются самцы въ лысуновъ, а самки въ утельгъ. Большіе лысуны, оставшіе еще прежде дѣтенышей, въ первыхъ числахъ марта начинаютъ въ Мезенскомъ заливѣ „бѣгаться“. Въ это время они положительно теряютъ сознание окружающей ихъ обстановки, такъ что промышленники зачастую однимъ ударомъ убиваютъ и самца и самку.

*) Тороса — льдины